

Научно-исследовательская статья

УДК 1(091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-53-62

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ПЛАТОНЕ И АРИСТОТЕЛЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Андрей Александрович Черных

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Санкт-Петербург, Россия,

deusdrus@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

Аннотация. Статья посвящена анализу ранней работы Н. Г. Чернышевского «О поэзии» (1854), представляющей собой рецензию на перевод «Поэтики» Аристотеля, выполненный Б. Ордынским. В центре внимания — реконструкция Чернышевским античной эстетики, его сравнительный анализ взглядов Платона и Аристотеля на искусство. Несмотря на материалистические убеждения Чернышевского, статья демонстрирует парадоксальный вывод: философ признает глубину эстетики Платона, рассматривавшего искусство в связи с жизнью, но объясняет историческое доминирование системы Аристотеля ее четкой теоретической оформленностью. Также затрагивается вопрос о текстологической корректности наследия Аристотеля.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, Платон, Аристотель, «Отечественные записки», русская философия, рецепция, античная философия

Для цитирования: Черных А. А. Н. Г. Чернышевский о Платоне и Аристотеле на страницах журнала «Отечественные записки» // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 1 (57). С. 53–62. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-53-62>

Scientific research article

UDC 1(091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-53-62

N. G. CHERNYSHEVSKY ON PLATO AND ARISTOTLE IN THE PAGES OF THE JOURNAL “OTECHESTVENNYE ZAPISKI”

Andrey A. Chernykh

Saint-Petersburg State Economic University,

St. Petersburg, Russia,

deusdrus@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

Abstract. The article is dedicated to an analysis of N. G. Chernyshevsky’s early work, “On Poetry” (1854), which is a review of B. Ordynsky’s translation of Aristotle’s “Poetics”. It focuses on Chernyshevsky’s reconstruction of ancient aesthetics and his comparative analysis of Plato’s and Aristotle’s views on art. Despite Chernyshevsky’s materialistic beliefs, the article comes to a surprising conclusion: he recognizes the depth of Plato’s aesthetic theory, which viewed art in connection with “life”, but explains the dominance of Aristotle’s system due to its clear theoretical formalism. The issue of the accuracy of Aristotle’s legacy in the context of his time is also addressed.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, Plato, Aristotle, “Otechestvennye zapiski”, Russian philosophy, reception, ancient philosophy

For citation: Chernykh, A. A. (2026). N. G. Chernyshevsky on Plato and Aristotle in the pages of the journal “Otechestvennye zapiski”. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (1 (57)), 53–62. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-53-62>

Введение

Раннее творчество Н. Г. Чернышевского, предшествовавшее написанию знаменитой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), остается областью, требующей пристального исследовательского внимания. Статья «О поэзии» (1854), формально являющаяся рецензией, на деле представляет собой программный текст, в котором формируются ключевые тезисы его будущей эстетической системы. Изучение данной работы позволяет проследить генезис взглядов Чернышевского в диалоге с античной философской традицией.

Однако специфика его прочтения Платона и Аристотеля, особенно в аспекте сравнительного анализа и объяснения причин исторического влияния их систем, редко становилась предметом специального анализа. Существующие исследования (например, [Волк, Никоненко, 1979; Никоненко, 1983; Уткина, 1975; История философии в СССР, 1968, с. 29–100]) фокусируются преимущественно на социологических или политических аспектах его наследия, оставляя в тени философско-эстетический диалог с античными источниками.

Методология исследования

Исследование проведено с опорой на историко-философский и текстологический анализ. В работе применяется метод контекстуальной интерпретации, позволяющий рассмотреть текст Н. Г. Чернышевского не столько как обособленный критический отзыв, сколько как важное звено в формировании его собственной философской системы. Кроме того, используется метод концептуальной истории («истории понятий») для прослеживания трансформации таких категорий, как жизнь, польза, подражание и пр., в их движении от античного контекста к философскому языку Чернышевского.

Результаты исследования

В 1854 г. на страницах журнала «Отечественные записки» вышла статья пока еще начинающего журналиста Николая Чернышевского. Статья озаглавлена «О поэзии» с подзаголовком «Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский. Москва. 1854». За свой перевод аристотелевского трактата Ордынский удостоился критики со стороны будущего редактора журнала «Современник». Тем не менее самому Ордынскому в статье посвящено немного страниц, в основном Чернышевский пишет об античных мыслителях и их эстетических идеях. Нас интересует именно это.

Н. Г. Чернышевский, подводя к теме эстетики Платона и Аристотеля, обосновывает значимость античной мысли, говоря: «Без истории предмета нет теории предмета» [Чернышевский, 1986, т. 3, с. 217]. И добавляет, что верно и обратное: теория дает возможность для возникновения истории, поскольку сам предмет истории формируется только в теории. До и вне теории этого предмета как бы нет.

С точки зрения Чернышевского, если система не оформлена в собственно систему, а может быть только реконструирована на основе сочинений автора, то такая неоформленная система остается бездейственной. С этим Чернышевский связывает то влияние, которое оказали Платон и Аристотель на европейскую мысль. Примечательно, что, с точки зрения материалиста, последователя Л. Фейербаха, Платон является более глубоким эстетиком, чем Аристотель (любопытно заметить, что Стагирит, кажется, должен быть ближе Чернышевскому по своим воззрениям: взять хотя бы монистический принцип, который лежит в основе философских идей Чернышевского; очевидно, что взгляды Аристотеля значительно ближе к монизму, чем взгляды Платона). И тем не менее Чернышевский констатирует, что около двух тысяч лет в теории искусства господствовала система Аристотеля, а не Платона. Но как Чернышевский увязывает это с тем, что мыслитель, чью эстетику он ставит выше, на такой длительный срок оказался на второй позиции? В статье это объясняется как раз тем, что у Аристотеля эстетика оформлена в систему, а у Платона — нет.

Однако это не значит, что для Чернышевского позиция Аристотеля по вопросам искусства не представляет интереса. Напротив, он обоих античных мыслителей считает актуальными, даже если в частности они могли устареть: «...кто, по вашему мнению, выше: Пушкин или Гоголь? Я вчера слышал спор об этом, и на него готовы отвечать Платон и Аристотель» [Чернышевский, 1986, т. 3, с. 218]. И если античные философы спустя тысячелетия готовы судить о писателях XIX в., то возможно ли, что эти философы когда-либо устареют?

Чтобы рассудить, кто из писателей «выше», необходимо ответить на вопрос о сущности искусства. Эстетическая теория, господствующая во времена Чернышевского и против которой он выступает в своей диссертации (написанной, но еще не защищенной на момент 1854 г.), формулирует сущность искусства как идеализацию действительности, то есть создание чего-то, что совершеннее действительности.

В таком абстрактном виде это можно трактовать двумя способами: 1) речь идет о создании лучшей версии действительности, то есть о приближении ее к ее собственному идеалу, к ее собственной истине; или же 2) речь о том, что самого этого идеала в природе нет даже в виде потенциального бытия и, соответственно, тогда этот идеал создается в сфере культуры на основании исключительно духовного начала. Если интерпретировать это так, то первый вариант трактовки согласуется с воззрениями Чернышевского, в то время как второй вариант представляет собой скорее то, что понимается им под господствующей теорией.

Если придерживаться второй трактовки, то, по Чернышевскому, Пушкин будет «выше». Но для Чернышевского одной только идеализации мало. Причем в первом варианте трактовки помимо идеализации есть еще кое-что, чего Чернышевскому как раз не хватает в творчестве Пушкина, но что он находит в произведениях Гоголя, а именно приговор действительности.

И Чернышевский замечает, что представители «прежней теории искусства», то есть античные классики, понимали искусство как мимезис, подражание (близкое, кстати, к отражению). Высказывается мысль, что вряд ли известные нам мыслители были авторами этой теории, она скорее только развита у них, причем «у Платона гораздо глубже и многостороннее, нежели у Аристотеля» [Чернышевский, 1986, с. 220]. По Чернышевскому, Аристотель удовлетворяется тем, что говорит о поэзии как о подражании. Платон же трактуется как мыслитель, который «определяет значение искусства в жизни человеческой» [Чернышевский, 1986, т. 3, с. 220] и устанавливает отношения искусства с другими сторонами человеческой деятельности. Отсюда следует критика Платона в адрес искусства, которая, по Чернышевскому, в основных моментах справедлива.

Чернышевский утверждает, что взгляд на Платона как на мечтательного романтика ошибочен, поскольку он «думал не о звездных мирах, а о земле, не о призраках, а о человеке» [Чернышевский, 1986, т. 3, с. 220]. Может показаться, будто Чернышевский пытается сконструировать некий образ утилитариста,

однако было бы опрометчиво так думать. Платон трактуется в первую очередь как политический мыслитель, основывающий свою философию на этике.

И если Платон понимается Чернышевским как философ, мысль которого направлена в первую очередь на практику (в широком смысле), то Аристотель представляется скорее кабинетным философом, который довольствуется умозрением как высшей формой деятельности.

Неприязнь Платона по отношению к искусству объясняется не столько качествами и взглядами основателя Академии, сколько статусом искусства в его время. Чернышевский пишет, что если понимать искусство лишь как досуг и развлечение (в более выгодной формулировке это звучит как самоцель), то эстетические взгляды Платона представляются справедливыми. При этом Чернышевский не соглашается с ним во всем, поскольку видит в искусстве высокий гражданский смысл; и, что важнее, считая взгляд Платона на искусство и поэзию односторонним, он все же усматривает истину в его позиции: «...если Платон впадает в односторонность, считая поэзию только пустою забавою, то за ним остается заслуга, что он смотрел на искусство в связи с жизнью» (курсив мой. — А. Ч.) [Чернышевский, 1986, т. 3, с. 227]. О категории «жизнь» Чернышевский подробнее пишет в своей диссертации [См.: Черных, 2025, с. 162–170; Чернышевский, 1986, т. 1, с. 71–173].

И если Платон критиковал искусство за его оторванность от жизни и бесполезность для человека, то Аристотель связь с жизнью обнаружил и в этом усмотрел пользу для человека (здесь стоит оговориться, что слово «польза» Чернышевский трактует по-своему: если для Аристотеля польза и научность находятся на разных ступенях иерархии, то для Чернышевского они могут совпадать). Примечательно, что обе теории опираются на то, что искусство есть подражание: для Платона — копия копии; для Аристотеля же — средство познания и, таким образом, искусство становится ближе к науке (отчасти этим объясняется чрезмерное внимание Стагирита к деталям). Таким образом, подражание у Аристотеля обуславливается стремлением к познанию (с точки зрения Чернышевского, должны быть и другие причины).

Чернышевский пишет, что Аристотель видит связь между поэзией и философией в том, что и та и другая имеют своим предметом не нечто случайное, а общее, существенное, характеристическое. Поэтому поэзия как средство познания оценивается Аристотелем выше, чем история, которая описывает как важное, так и неважное, то есть как существенное в историческом процессе, так и случайное.

Кроме того, как передает Чернышевский взгляды Аристотеля, история лишь излагает события в хронологическом порядке, в то время как поэзия «представляет все во внутренней связи» [Чернышевский, 1986, т. 3, с. 229]. Если суждение о поэзии Чернышевский готов принять, то взгляд Стагирита на историю представляется ему неудовлетворительным. Чернышевский объясняет это тем, что сама историческая наука в IV в. до н. э. находилась еще только на стадии летописей, или, другими словами, была слабо развита.

Однако Чернышевский обращает внимание на то, что в стремлении найти универсальное и отразить его в произведении или же в теории искусства есть и обратная сторона медали, а именно: в попытках выразить это универсальное Аристотель (и позднее — Гегель) принимал частность, «мелочный факт», за универсальное, так как это подходило под его теорию. Другими словами, не факты складывались в систему, проявляя свое универсальное во взаимодействии внутри этой системы, а сама система отбирала для себя удобные факты, принимая их за нечто всеобщее, в то время как неудобные факты оказывались чем-то несущественным, а потому могли игнорироваться.

Говоря о термине «подражание» в контексте взглядов Платона и Аристотеля, Чернышевский обращает внимание, что под подражанием имеется в виду подражание не природе, а несколько иному. Содержание искусства для Платона и Аристотеля сводится не к природе, а к человеческой жизни. В подтверждение этого тезиса Чернышевский указывает, что Стагирит в «Поэтике» говорит не о природе, а именно о людях. Более того, обосновывая взгляды Платона и Аристотеля, как он их понимал, Чернышевский пишет, что истинный поэт не может подражать природе, поскольку это дело живописца. И то, приводя слова живописца Эвпомпа, который, по Чернышевскому, первым заговорил о подражании природе, мыслитель указывает на необходимость правильной трактовки его слов о том, что подражать нужно не художникам, а живой природе. Здесь Чернышевский обращает внимание не на благоговение перед природой, а на противопоставление действительности и художественного вымысла. Иными словами, сущность искусства ближе к отражению действительности, а не к человеческой идее о красоте. Причем, как утверждает Чернышевский, неверно было бы думать, будто такое понимание искусства вульгаризирует его. Идеализация не изгоняется из искусства тем, что оно определяется как отражение действительности; она заключается в том, чтобы исключать лишние подробности, которые не помогают раскрытию основной сути произведения (все это объясняется просто тем, что красота уже есть в мире, в действительности, поэтому задача художника и поэта состоит только в том, чтобы адекватно отобразить ее в своем произведении).

Чернышевский обращает внимание, что Платон и Аристотель негативно относились к жанру комедии. В доказательство Чернышевский приводит слова Стагирита о том, что если трагедия есть «подражание лучшим», то в комедиях описываются «люди низкие». И если Платону, по словам Чернышевского, это простительно из-за Сократа, то личного мотива у Аристотеля не обнаруживается.

Сущность искусства, по Платону и Аристотелю, сводится к подражанию человеческой жизни. Как пишет Чернышевский, такое понимание искусства было общим местом в Древней Греции. Однако же, говорит Чернышевский, под теорией искусства Платона понимается совсем иная концепция: идея прекрасного не находит себе соответствия в действительности, а потому задача поэта заключается в воплощении этой идеи в рамках искусства. Однако

обращается внимание, что такое понимание происхождения искусства относится не к Платону, а к неоплатонику Плотину, которого Чернышевский называет «туманным мыслителем», у которого отсутствуют понятия, поскольку само по себе понятие есть нечто определенное (а это несколько расходится с идеей неоплатоников о Едином). Чернышевский воздерживается от подробного изложения своего понимания взглядов Плотина, но указывает, что воззрения неоплатоника на искусство и «господствующая теория» — это почти одно и то же.

По Чернышевскому, неоплатоники исказили философию Платона, придав ей черты египетской мысли. Как итог, философия неоплатоников получилась внешне, то есть по форме, сходной с философией Платона, но содержательно они остались различны. Тем не менее это привело к тому, что Платону стали приписывать мысли, чуждые его философии. Так, понятия Платона о прекрасном были смешаны с его взглядами на искусство, что привело к искажениям. Как пишет Чернышевский, прекрасное у Платона относится не к сфере эстетики, то есть не к субстанциированной идее, проявляющейся в совершенной форме, а скорее представляет собой синоним слова «хорошее», то есть не самостоятельное бытие, а всего лишь качество чего-то иного.

Возвращаясь к Аристотелю, Чернышевский отмечает, что Стагирит рассматривал проблему единства действия в связи с исторической трагедией, которая вполне может стать сюжетом постановки в театре. Причем это не будет всего лишь историографией, а останется творчеством, если поэт сумеет «отделить нужное от ненужного, принадлежащее к сущности события от постороннего» [Чернышевский, 1986, с. 236]. И, как пишет Чернышевский, даже понятие судьбы, которое в Античности имело влияние на умы людей, не столь необходимо в трагедии для Аристотеля. Судьба в трагедии ослабила бы связь событий произведения, которые и без злого рока увязываются в сюжетную линию. Иными словами — хоть и трудно классифицировать классиков философской мысли — Чернышевский видит Аристотеля (как, впрочем, и Платона) скорее реалистами (как бы ни был неудобен этот термин, здесь он все же напрашивается), чем идеалистами. В интерпретации Чернышевского Платон и Аристотель предстают весьма трезвыми мыслителями, которым чужды фантазии и измышления, но которые адекватно отражают в своих произведениях истину.

Делая на тему Аристотеля заключительное замечание, Чернышевский пишет, что тот видит наиболее существенное различие между произведениями трагиков и поэмами Гомера в их объеме, причем более лаконичные трагедии в его оценке оказываются совершеннее тяжеловесных гекзаметров. Этим Чернышевский обосновывает, что вполне допустимо последовать примеру Стагирита и позволить себе критическое отношение к классикам, как это позволил себе Аристотель, сказавший, что современные поэты Софокл и Еврипид (умершие всего за 20 лет до его рождения) лучше самого Гомера.

Вердикт Чернышевского по поводу эстетического сочинения и изложенной в нем теории Аристотеля таков: «...несмотря на односторонность некоторых положений, мелочность многих фактов и выводов и — главнейший недостаток — преобладание формализма над живым учением о прекрасном в поэзии... — что, несмотря на все эти недостатки, сочинение Аристотеля “О поэтическом искусстве” имеет еще много живого значения и для современной теории и достойно было служить основанием для всех последующих эстетических понятий...» [Чернышевский, 1986, с. 238–239].

Далее, переходя непосредственно к критике Б. Ордынского, Чернышевский полемизирует с ним на тему того, в каком виде дошел до нас текст Аристотеля. Ордынский утверждал, что «Поэтика» дошла до современного читателя в полном виде и без искажений. Чернышевский же утверждает, что «Поэтика» неполна и претерпела ряд изменений и дополнений: сначала текст подвергся порче из-за хранения в погребке, потом дополнялся по указанию Апелликона Теосского, потом еще одну правку внес Андроник Теосский.

Доказывая, что тексты Аристотеля подвергались искажениям, Чернышевский также приводит в пример «Метафизику». С точки зрения Чернышевского, оригинальный текст Стагирита представляет собой только 4, 6, 7, 8, 9, 13 и 14-я книги. Остальные книги либо представляют собой самостоятельные сочинения, ошибочно включенные в «Метафизику» (кн. 1, 5), либо тексты, сильно искаженные дополнениями других авторов (кн. 11, 12), либо вообще не принадлежат перу Аристотеля (кн. 2, 3).

Приводится еще целый ряд произведений Стагирита в качестве примеров, доказывающих, что по меньшей мере половина дошедших до нас сочинений Аристотеля искажены. И «Поэтика» не может быть признана исключением из этой половины: Чернышевский понимал это в середине XIX в., сегодня это тем более очевидно.

Стоит сказать, что в своей статье 1854 г. Чернышевский неоднократно говорит о том, что в те или иные вопросы он вдаваться не будет, поскольку это отвлекло бы слишком далеко от основной темы. На этом основании можно полагать, что вопрос об отражении образа античных философов в текстах Чернышевского еще ждет своего исследователя.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что статья Н. Г. Чернышевского «О поэзии» является не просто рецензией, а значимым этапом в разработке материалистической эстетики в России. Основная мысль работы заключается в том, что через критическое осмысление античного наследия, прежде всего через парадоксальное возвышение «этического» Платона над «систематическим» Аристотелем, Чернышевский формулирует краеугольный камень своей теории: сущность искусства состоит не в идеализации, а в познавательном отражении

человеческой жизни с вынесением ей осмысленного «приговора». Он утверждает необходимость тесной связи искусства с действительностью (жизнью) и его общественной полезности, что прямо противостоит теории искусства для искусства. Таким образом, обращение к Античности становится для Чернышевского мощным инструментом легитимации собственных новаторских идей, позволяющим вести полемику с современной ему господствующей идеалистической эстетикой с опорой на непререкаемый авторитет классиков. Статья «О поэзии» демонстрирует, как история философии становится активным участником актуального философского процесса, а ее переосмысление — ключом к построению новой теории.

Список источников

1. Волк С. С., Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 148 с.
2. Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 150 с.
3. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М.: Наука, 1975. 320 с.
4. История философии в СССР: в 5 т. / под ред. В. Е. Евграфова. М.: Наука, 1968. Т. 3. 672 с.
5. Чернышевский Н. Г. О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский. Москва. 1854 // Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 214–244.
6. Черных А. А. Антропологический принцип в русской философии. СПб.: СПбГЭУ, 2025. 247 с.
7. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 71–173.

References

1. Volk, S. S., & Nikonenko, V. S. (1979). *Materialism of N. G. Chernyshevsky*. Leningrad University Publishing House. (In Russian).
2. Nikonenko, V. S. (1983). *Materialism of N. G. Chernyshevsky, N. A. Dobrolyubov, D. I. Pisarev*. Leningrad University Publishing House. (In Russian).
3. Utkina, N. F. (1975). *Positivism, anthropological materialism and science in Russia*. Nauka. (In Russian).
4. Evgrafov, V. E. (Ed.) (1968). *History of philosophy in the USSR in 5 vols.* (vol. 4). Nauka. (In Russian).
5. Chernyshevsky, N. G. (1986). On poetry. Aristotle's Work. Translated, presented and explained by B. Ordynsky. Moscow. 1854. In Chernyshevsky, N. G., *Works in 2 vols.* (vol. 1, pp. 214–244). Mysl. (In Russian).
6. Chernykh, A. A. (2025). *The anthropological principle in Russian philosophy*. SPbGEU. (In Russian).
7. Chernyshevsky, N. G. (1986). The aesthetic relations of art to reality. In Chernyshevsky, N. G., *Works in 2 vols.* (vol. 1, pp. 71–173). Mysl. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Андрей Александрович Черных — кандидат философских наук, ассистент, заместитель заведующего кафедрой общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

Andrey A. Chernykh — PhD in Philosophy, Assistant Professor and deputy head of the Department of Social Sciences of the Saint-Petersburg State Economic University, St. Petersburg, Russia.

deusdrus@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9083-231X>